

Реформирование академического сектора науки в оценках научного сообщества

А.М. АБЛАЖЕЙ, кандидат философских наук

E-mail: ablazhey63@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3693-8845

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ нескольких волн реформирования российской науки начиная с 1992 г., с упором на события 2013 г., и их последствий, в контексте сменяющихся друг друга адаптивных стратегий сотрудников исследовательских институтов Российской академии наук (на примере Сибирского отделения РАН). Информационной базой послужили материалы эмпирических социологических исследований, в том числе массовых опросов, экспертных и фокусированных интервью, проводившихся либо самим автором, либо при его активном участии, в институтах Сибирского отделения РАН и региональных научных учреждениях, с середины 1990-х гг. до середины 2010-х гг., официальные документы государственных органов, ответственных за разработку и реализацию научной политики в России, исследовательская литература по теме статьи.

Ключевые слова: академическая наука; Российская академия наук; РАН; реформа; оценка; отношение; адаптация; научная политика; эффективность; перспективы

В течение трех постсоветских десятилетий не снижается острота вопроса о степени эффективности российской науки – как фундаментальной, так и прикладной. Важнейшими факторами эффективности выступают, с одной стороны, организационная структура научной деятельности, с другой – четкое понимание и осознанное принятие принципов и конкретных механизмов государственной научной политики со стороны самого научного сообщества.

Такая постановка вопроса актуализирует проблему изучения мнения рядовых исследователей относительно предлагаемых «правил научной жизни», равно как и сложившихся практик их соблюдения (или несоблюдения). Особенно важно получать такого рода обратную связь в моменты трансформации основных принципов жизнедеятельности национального института науки, в первую очередь академической. За последние 30 лет предлагались различные сценарии модернизации сферы фундаментальных

исследований, от умеренных до весьма радикальных, вследствие чего новейшая история реформирования академического сектора в стране полна драматических поворотов и несбывшихся ожиданий.

Несколько методических замечаний. Первые исследования в рамках социологического мониторинга научного сообщества Сибирского отделения РАН начались в 1992 г., практически с момента начала рыночных реформ, самым непосредственным образом коснувшихся и сферы науки. Первоначально центральное место отводилось массовым социологическим опросам (исследования 1992, 1994, 1996, 1998, 2000, 2004 гг.), затем основным методом сбора информации стало проведение экспертных и лейтмотивных интервью с научными сотрудниками академических институтов самого различного статуса и положения, от аспиранта до академика. Самые крупные и масштабные волны интервьюирования относятся к 2009, 2010, 2015 гг. Кроме того, начиная с 2005 г. особое внимание уделялось положению молодых ученых, в 2005 и 2018 гг. были проведены массовые социологические опросы аспирантов различной дисциплинарной принадлежности. Эмпирические и аналитические результаты проведенных исследований нашли отражение в целом ряде публикаций [Гордиенко, Плюснин, 1995; Гордиенко и др. 1997a,b; Аблажей, 2012; 2018; Аблажей и др., 2018; Плюснин, Аблажей, 2019].

Реформы академического сектора науки начала 1990 г. – первой половины 2010-х гг.

Первый этап реформирования пришёлся на 1991–1996 гг. Необходимость радикального переустройства сферы производства научного знания объяснялась прежде всего «стремительно нараставшим отставанием нашей науки от мировой» и невозможностью сохранить «в совершенно новом экономическом окружении структуру, объемы и механизмы финансирования советской науки» [Салтыков, 1996. С. 23–24].

Были созданы механизмы конкурсного финансирования научных исследований через государственные и зарубежные научные фонды, в основном были обеспечены свобода обмена информацией и выбора места работы, в том числе беспрепятственный выезд за границу. Одновременно резко уменьшились

объемы финансирования науки из средств федерального бюджета: к 1995 г. по сравнению с 1989 г. они упали почти на 70%.

Стремительно сокращалось количество ученых: если в 1992 г. персонал, занятый исследованиями и разработками, насчитывал более 1 млн 532 тыс., то к 1996 г. эта цифра упала до 991 тыс. чел. Число исследователей за тот же период уменьшилось с более чем 800 до 484 тыс. чел.; к 1998 г. это число составляло лишь чуть более 37% от уровня 1989 г.¹ Практически исчезла такая важнейшая часть научного потенциала страны, как отраслевая наука. Сфера научных исследований в России оказалась де-факто на периферии государственных интересов и перестала рассматриваться властью в качестве приоритетной отрасли [Аллахвердян, 2018. С. 16].

Резкое ухудшение условий как профессиональной деятельности, так и повседневной жизни вызвало ожидаемо крайне негативную реакцию на всех уровнях организации исследований, включая рядовых сотрудников. Первый массовый социологический опрос научных сотрудников Новосибирского научного центра, проведенный в середине 1996 г., показал, что лишь 0,2% из них оценили положение дел в ННЦ как «нормальное, хорошее», тогда как более 22% посчитали его «критическим»; еще 26,5% – «тяжелым и без положительных тенденций» [Гордиенко и др., С. 8]. В целом в течение 1990-х гг. не произошло «никакой серьезной трансформации сети научных учреждений, и особенно это касается академического сектора» [Салтыков, 1996. С. 26].

Примечательно, что научное сообщество, активно критикуя цели и, главное, методы ускоренного «встраивания» науки в рынок, поставившие ее на грань выживания, продолжало верить в ее будущее. Результаты того же массового опроса 1996 г. показали: несмотря на «многочисленные попытки “теоретически” обосновать тезис о том, что в стране “слишком много науки”», в российской науке продолжает существовать и, как это ни удивительно, наращивается потенциал инновационного развития» [Гордиенко и др., 1997. С. 77].

Постепенная стабилизация экономической ситуации позволила вновь вернуться к вопросу о реформе научной сферы. В 2005 г. профильное министерство образования и науки

¹ Наука в Российской Федерации. М.: ВШЭ, 2005. 492 с. [С. 55, 57].

предложило проект модернизации структуры, функций и механизмов финансирования РАН и других академий, призванной изменить сложившуюся схему взаимодействия государства и академического сектора. На деле все свелось к «уточнению организационно-правового статуса и функций» государственных академий наук [Дежина, 2014. С. 19–20].

К тому времени среди самых разных слоев научной общест-венности выросла убежденность в том, что именно академиче-ская бюрократия является основным препятствием на пути раз-вития российской науки. «Неумение и нежелание академической верхушки пойти на серьезные изменения, убежденность в своей непогрешимости и особом положении в социальной и властной структуре постсоветской России сыграли свою роковую роль. В период всеобщего слома, когда перестал существовать СССР, Академия фактически сохранилась в прежнем виде с точки зрения базовых принципов работы... оказалась очень консер-вативной структурой, не идущей на серьезные компромиссы... Отсутствие гибкости и неумение вовремя инициировать и про-вести внутреннюю реформу и привело ее к краху» [Дежина, 2014. С. 18].

Радикальная реформа РАН началась в июне 2013 г. На месте «советского министерства науки» планировалось учредить «клуб академиков», не имеющий подведомственных научных органи-заций; право управления научным имущественным комплексом предлагалось делегировать специальному органу управления². В результате последовавших обсуждений руководству Академии удалось немного смягчить отдельные, наиболее радикальные предложения. Тем не менее руководство РАН потеряло возмож-ность распоряжаться огромным имущественным комплексом, для оперативного управления которым была создана новая струк-тура – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) [Аблажей, 2018. С. 41].

Реформа имела, несомненно, существенные негативные по-следствия для руководства РАН, утратившего контроль над собст-венностью Академии. Однако последовавшие обсуждения и согла-сования, разработанные и принятые регламенты взаимодействия

²Сюприз для академиков. URL: https://www.gazeta.ru/science/2013/06/27_a_5395753.shtml (дата обращения: 11.04.2022).

между РАН и ФАНО привели к тому, что Академия наук отчасти восстановила потерянные было позиции. В частности, без согласования с руководством РАН невозможно (или почти невозможно) было решить кадровые вопросы. Симптоматичен и тот факт, что научные учреждения сохранили в названии принадлежность к РАН.

Главные направления реформирования российской науки во все три периода были примерно одинаковы и совпадали с первоначальной целью: так или иначе ликвидировать сложившуюся в советское время форму организации фундаментальных исследований в виде сети специализированных, финансируемых государством, но при этом относительно автономных научно-исследовательских учреждений. В результате реформ академический сектор должен был стать не только более управляемым, но также более компактным (прежде всего за счет политики жесткого сокращения) и, в идеале, экономически эффективным.

Настроения ученых начала 2010-х гг. ярко выразил один из наших информантов, сотрудник НИИ Красноярского научного центра: *«Не надо нам никаких дополнительных сверхдоходов, оставьте как есть и обеспечьте предсказуемое будущее. Институт нашел пути сотрудничества как с хозяйствующими субъектами, так и с заинтересованными зарубежными партнерами, которые готовы на долгосрочной перспективе с нами работать. Создан хороший кадровый задел, сейчас молодых очень много специалистов, которые говорят все только об одном – обеспечьте гарантии того, что не будет разгона, реформирования, реорганизации (выд. авт.). Мы сами зарабатываем дополнительные средства, и в рамках той зарплаты, которая есть, люди готовы работать дальше. А главное, что очень много задач...»*. Эти ожидания и надежды, как мы знаем, по большей части не оправдались, и вопрос о том, как повлияла реформа на деятельность основной массы исследователей, как изменилась оценка ими государственной научной политики, для нас особенно важен.

Восприятие реформы научным сообществом

Несмотря на то, что основной целью реформы были отстранение от управления собственностью академической верхушки, неожиданный, кулуарный и малопонятный характер принятых

решений вызвал резкую и критическую реакцию всех слоев научного сообщества – от членов РАН до «рядовых» ученых. «Реформа академий стала шоком для научного сообщества» [Положихина, 2019. С. 104], которое усматривало в реформе угрозу. Во-первых, для складывавшейся в стране на протяжении долгого времени институциональной структуры фундаментальных исследований (чаще всего можно было услышать алармистские заявления не просто о ликвидации РАН, но о гибели академической науки как таковой). В интервью, данном через полгода после начала реформы, член-корреспондент РАН А. Иванчик отмечал: *«Борьба шла за самоуправление академии и ее институтов, против их подчинения чиновникам, не имеющим отношения к науке и не понимающим ее нужды, – т.е. за сохранение творческой свободы и возможности заниматься своей профессией»*³. Во-вторых, для наработанных уже в постсоветское время практик адаптации, позволивших академической науке в начале 2000-х перейти от выживания к развитию, в новых условиях они во многом теряли актуальность. Например, резко, особенно после 2014 г., сузились возможности сотрудничества с зарубежными партнерами, в том числе международными научными фондами, Сибирское отделение РАН больше не могло поддерживать программу интеграционных проектов, резко ухудшились возможности обновления приборной базы институтов и т.д.

Проведенные нами в пореформенные годы социологические исследования позволяют описать основные «критические точки» восприятия реформы учеными и сделать выводы относительно того, как это отразилось и отразится в дальнейшем на состоянии ключевых компонентов научной деятельности в академических институтах.

Прежде всего следует отметить тот факт, что по прошествии двух лет после начала реформы уже мало кто сомневался в её необходимости, притом, что подавляющее большинство исследователей продолжали резко критиковать методы реализации. Ясно, что оценки могли радикально различаться – от полного отрицания до безусловной поддержки, но в целом настроения учёных можно охарактеризовать именно так: реформа была жизненно необходима,

³ Иванчик А. Судьба науки в России никого не интересует. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=d072a95c-7aa1-4445-a1ee-d5042ac321ab&print=1> (дата обращения: 10.04.2022).

она назрела и даже перезрела, но задумана и проведена так, что эффекты оказались зачастую прямо противоположны тем, на которые рассчитывали. Один из наших иркутских собеседников в июне 2015 г. констатировал: *«Первое, и это вообще никем и никогда не отрицалось и не отрицается, и это совершенно насущная проблема – реформа [была] абсолютно необходимой. Второе: в том виде, в каком реформа была предложена и реализована, она вообще была недопустима совершенно»*.

Одной из целей авторов реформы было стремление сделать полученные в фундаментальной области исследований результаты более востребованными реальной экономикой, в том числе с опорой на рыночные механизмы. Однако в силу специфики российской модели государственного капитализма «рыночный» зачастую означает «бюрократический». В результате все, по большей части, свелось к задаче достижения формальных наукометрических показателей, никак не связанных с рыночной эффективностью. Содержательная сторона научной деятельности стала приниматься во внимание лишь к началу 2020-х гг., когда была отлажена и стабильно заработала система научной экспертизы под эгидой РАН.

Желание реализовать в России хорошо зарекомендовавшую себя за рубежом систему университетской организации научной деятельности, включая внедренческие структуры, тоже пока не осуществилось.

Важен также тот момент, что стремление государства в условиях недостатка необходимых ресурсов (и не только финансовых), тем не менее реформировать фундаментальную науку в неолиберальном духе, сделав её управляемой и экономически эффективной, вошло в противоречие с желанием (весьма деятельным) научного сообщества сохранить традиционные ценности академической профессии (проблема, актуальная в наши дни не только для российских, но и зарубежных исследователей)⁴.

Среди подобных ценностей важную роль играет академическая автономия, стремление заниматься не только тем, что востребовано с коммерческой точки зрения, но и тем, что интересно лично тебе как ученому.

⁴ См., например: Halfman P., Radder H. (2015). The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University. *Minerva*. No. 2 (53). Pp. 165–187.

Один из наиболее важных пунктов, который встретил отторжение у подавляющего большинства российских ученых, касался стремления государственных структур зарегулировать научную сферу, прописав жесткие формальные критерии выполнения намеченного задания, что, по мнению наших респондентов, в корне противоречит самой сути научной деятельности, носящей поисковый характер.

Положение не спасал и тот факт, что удар пришелся преимущественно по руководству институтов. В интервью, взятом в мае 2015 г., заведующий одной из ведущих лабораторий Иркутского научного центра, отмечал, что *«если в институте нормально функционирующая администрация и начальство понимает, что такое научная работа, то оно [начальство] пытается демпфировать этот бюрократический удар, и до рядовых исполнителей он, может, доходит в ослабленном виде, но все равно наверняка доходит... с бюрократической точки зрения жить... стало хуже»*).

К тому же ситуация осложнялась явным дефицитом средств: с одной стороны, уровень финансирования научной сферы пусть немного, но повысился, с другой – в расчете на одного исследователя он все равно оставался много меньше, чем за рубежом. Положение усугубляли и отсутствие роста должностных окладов в научной сфере, что было особенно заметно по сравнению с ситуацией конца 2000-х гг. («пилотный проект»), и отмеченное выше резкое сокращение доступа к зарубежному финансированию, и прекращение программ поддержки, инициированных и поддержанных самой Академией (интеграционные проекты СО РАН и пр.).

Очень многие наши собеседники усиленно подчеркивали тот момент, что методы и приёмы руководства наукой, внедряемые вновь созданными органами управления, имея в виду прежде всего *«жёсткое администрирование научных учреждений»*, по существу, нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей учёного. По мнению респондентов, разработка критериев эффективности работы как отдельного учёного, так и лаборатории, института в целом – важнейшая задача, требующая объединения усилий самых разных сторон (*«...реализация реальных потребностей общества и экономики должна лежать в основе функционирования науки –*

никакое ФАНО ведь за нас это не решит, не сформулирует... неформальные [критерии эффективности науки] должны коллегиально и экспертно формулироваться компетентными людьми на уровне правительства» (2015 г.).

В этой связи как «абсолютно недопустимая» квалифицировалась идея того, что деятельность научного учреждения (института), равно как и отдельного учёного, должна оцениваться на основе формальных показателей: числа статей, индекса цитирования и пр. Идею сделать индекс Хирша «мерилом всех вещей» научное сообщество, несмотря на очень серьёзные усилия профильных ведомств, никак не хотело принимать. Особо стоит подчеркнуть факт упорного отрицания идеи, почерпнутой в зарубежной науке, поставить в центр реформы фигуру отдельного, пусть и успешного, учёного, или в крайнем случае – лаборатории. Подобное отрицание было общим для подавляющего большинства наших респондентов, относящихся к самым разным возрастным, гендерным, дисциплинарным, административным группам учёных.

Здесь проявилось противостояние нескольких конкурирующих логик управления и финансирования науки: условно «советской», объектом которой является учреждение (в данном случае речь идет, как правило, о научном институте в целом, и «западной» («постсоветской»), где в качестве объекта выступает отдельный успешный учёный или небольшая группа во главе с лидером. В рамках реформы к этим двум основным логикам, как сказал один из наших собеседников, добавилась третья – когда объектом управления становится (или должен стать) условный «ускоритель».

Первый из отмеченных подходов отражает менталитет учёных старшего, еще советского поколения, для которых наука – не просто профессия, но образ жизни, если угодно – миссия, институт – второй дом, а коллектив, в котором нередко проходит вся профессиональная жизнь, – вторая семья. «Западный» подход отражает настроения прежде всего молодых исследователей, часть которых увидела в реформе шанс на быструю профессиональную (в том числе административную) карьеру в науке. А вот в третьем нашли отражение взгляды той части сообщества, которая нацелена прежде всего на результат, но, в отличие от «западной» логики, не ценой жёсткой отбраковки людей, с которыми привычно и комфортно работать, даже если

их формальные показатели и невысокие. На первом плане здесь стоит научный поиск, обеспечение самой возможности работы, борьба с имитацией науки.

Отметим еще один очень важный момент – четкая фиксация психологической усталости заметной части научного сообщества от постоянных изменений всего и вся – от принципов планирования до формы отчетов. Это приводило чуть ли не к нервным срывам: *«Самое главное наше пожелание – чтобы нас оставили в покое... все устали, большинство сотрудников считает, что либо вы уж совсем закрывайте нас, либо скажите, что все это прекращается и мы живём в стабильной ситуации... нам говорят – вот, на год ещё продлили мораторий – это что значит? Что через год нас всех уволят или как? Что будет после окончания моратория? Какова цель вот этой реформы?»* (Красноярск, 2015, ученый секретарь).

Молодежь о реформе научной сферы

Преимущественно положительные оценки реформы фиксировались со стороны представителей лишь заметной части молодёжи, которая восприняла ее как шанс для ускорения собственной карьеры, поскольку заостренность структура Академии наук мешала появлению в ней новых имён.

Подобная оценка в целом справедлива: многие ученые уверены, что в Академии стало больше борьбы за власть и влияние (симптоматичными в этом отношении оказались выборы в РАН 2016 г.) и меньше науки. Именно этим, кстати, объяснялась убежденность значительного числа наших респондентов в том, что реформа назрела и перезрела.

Радикальная перестройка всей системы фундаментальных исследований и новый центр власти в лице ФАНО (а затем – министерства) способствовали появлению слоя сторонников происходящих изменений прежде всего среди молодых сотрудников. Вот, например, весьма показательное высказывание: *«...у меня очень положительное отношение к реформе. На самом деле, я сторонник ещё более радикальных изменений... Сейчас есть возможность тем ребятам, которые умеют работать, которые хотят работать, действительно пробиться. У нас [в институте] такие возможности точно есть. Пожалуйста, вперед... [сейчас] новый мир, здесь всё по-другому,*

всё по-другому, абсолютно. Не в 60-х годах живём» (Иркутск, бывший председатель Совета научной молодежи института, 2015).

Свойственный молодёжи оптимизм способствует и тому, что именно эта часть сообщества становится опорой реформаторов: *«...да, перемены, да. А что? Будем работать, тем более, если у тебя семья, дети и пр., тебя подталкивают к этому... вот эта... категория – она преобладает. И в ФАНО – там люди молодые, без этого академического тона... им можно позволить, найти общий язык, они открыты. Мы люди примерно одного возраста, одних взглядов на жизнь, несмотря на то, что они чиновники, вроде бы такие прожжённые. И в целом все смотрят... все-таки больше с оптимизмом»* (Красноярск, председатель Совета научной молодежи института, 2015).

Позиция научной молодёжи может быть сведена к следующим основным моментам: реформа как шанс; как точка бифуркации; как опасность увидеть ещё одно потерянное поколение в науке. Молодые учёные подобны двуликому Янусу: с одной стороны, как всякая молодёжь, они нацелены на изменения и новации, с другой – они плоть от плоти детище академического сообщества, с младых, еще студенческих лет впитавшие его традиционные (читай – советские) профессиональные ценности и мировоззрение. Как и старшие товарищи, многие из них отрицают дух коммерциализации, не мыслят своей личной карьеры вне стен воспитавшей их лаборатории, воспринимают Академию наук не просто как учреждение, но как безусловную культурную ценность страны.

Когда в середине 2013 г. радикальная реформа РАН стала реальностью, получили большое распространение ожидания новой волны эмиграции молодых ученых в зарубежные университеты и научные центры, поскольку *«перспектив нет»* и *«ничем хорошим эта реформа не закончится»*. Исходя из этого, мы сфокусировали свои исследования на том, является ли эмиграция из страны типичной стратегией адаптации к реформе науки для молодого ученого.

Подавляющее большинство респондентов не согласилось с тем, что российской науке грозит новый виток «утечки мозгов»: *«Со времен реформы у нас вроде никто не уехал, если кто-то уезжал, то это [было] и до реформы. Я бы не связал, что,*

вот, реформа настала и тут резко все поехали куда-то. Нет, продолжают работать, никаких тенденций, что кто-то собирает чемоданы... на момент начала реформы, конечно, были такие настроения... – “мы все умрем”, “все пропало”... такой момент был, но потом все улеглось... чтобы прямо сказать, что вот, реформа РАН и я ухожу..., что надо собирать чемоданы и куда-то уезжать – нет такого» (Красноярск, председатель Совета научной молодежи института, 2015).

Тем не менее часть респондентов подчеркивала, что любое радикальное изменение ситуации, нарушение стабильности неизбежно вызывает сложности с организацией исследовательского процесса и служит весомым аргументом для принятия решения о выезде. Причем касается это в первую очередь той части молодежи, которая в перспективе способна занять лидирующие позиции в науке: *«У них появилось отчетливое понимание, что если ты хочешь нормально работать, то надо уезжать из этой страны, это я точно могу сказать... те, кто имеет возможность – те уезжают, а уезжают лучшие. А недлинные остаются, которых все устраивает, у которых есть своя маленькая работа. Но хочется, чтобы были и “двигатели”» (Красноярск, физик, 2015).*

Причины отрицательного отношения к реформе «рядовых» научных сотрудников

Важный момент, радикально отличающий ситуации середины 1990-х и 2010-х годов: если сначала, при резком падении государственного финансирования, у учёных были развязаны руки в поисках финансирования, то спустя четверть века наука оказалась плотно «подсаженной» на стабильные и до какого-то момента постепенно растущие бюджетные средства. Ситуация стала меняться в худшую сторону с 2014 г.: если годом ранее на фундаментальные исследования было потрачено 0,84% расходов федерального бюджета, то к 2016 г. этот показатель сократился до 0,64%. Постепенный рост начинается только с 2018 г. (0,89%). В сфере прикладных исследований сокращение было еще более заметным: с 2,35% в 2013 г. до 1,59% в 2017 г. Другими словами, никаких финансовых дивидендов от реформы ни фундаментальная, ни прикладная сферы науки не получили.

Одновременно резко сузились возможности поиска внебюджетных источников и сошла на нет грантовая поддержка со стороны зарубежных научных фондов. Ситуацию усугубляет и то обстоятельство, что система государственных научных фондов также подверглась реформированию и сегодня в стране остался, по сути, только один – Российский научный фонд, деятельность которого построена на иных принципах, нежели у РФФИ и РГНФ. В целом следует согласиться с И. Дежиной, которая считает, что в сфере конкурсного финансирования российской науки вместо разнообразия мы наблюдаем поддержку избранных⁵.

Очевидно, что условием успешного проведения любой реформы является наличие «пряника» как в виде дополнительных финансовых средств и административных ресурсов, так и в части появления новых перспектив, а этого как раз не произошло. В результате никаких видимых плюсов от реформы учёные не ощущают. Напротив, в сознании наших респондентов реформа теперь (как и в 1990-е) ассоциируется только с падением финансирования и нарастанием неопределённости, тогда как в «любой реализуемой, рефлексивно обосновываемой политике реформ выгоды от процесса должны превышать издержки... к сожалению, в том, что касается реформы российской науки, картина противоположная: изменения, направленные на усиление надзора за течением и результатами научной деятельности, приводят к тому, что наука теряет подлинность и естественный мотив познания, подменяя его бессмысленными с содержательной точки зрения количественными показателями» [Черныш, 2020. С. 214].

Крайне болезненно научное сообщество переживает и чрезвычайное усиление бюрократического контроля. Налицо резкое ограничение возможностей любого манёвра: кадрового, финансового, организационного, тематического. Результаты масштабного исследования, проведенного нашими коллегами в начале 2021 г., показали, что «ключевые субъекты в системе государственного управления научно-технической политикой РФ

⁵ Дежина И. Оправдает ли себя ставка государства на поддержку ученых-«победителей»? Российская наука избранных. URL: https://www.ng.ru/ nauka/2021-06-08/9_8168_science.html. (дата обращения: 31.05.2022).

переживают глубокий кризис доверия со стороны научного сообщества... Принятые без широкого общественного обсуждения стратегические решения и проекты по развитию гражданской науки РФ вызвали острый антагонизм мнений внутри научного сообщества по вопросу о целесообразности сохранения курса на применение наукометрического подхода к оценке научной результативности, о продолжении борьбы за места российских вузов в зарубежных рейтингах, о сохранении в фокусе скандально известного целевого зарплатного ориентира для научных сотрудников» [Гусев, Юревич, 2021. С. 4].

Одним из главных результатов реформы 2013 г. стало внедрение обезличенной наукометрической системы оценки эффективности исследований. В данном случае в роли внешнего эксперта выступают редакции престижных, как правило, англоязычных научных журналов («привратников науки», по меткому выражению Р. Мертон), входящих в базы данных Web of Science и Scopus. Именно публикация в подобных журналах стала критерием безусловной научной компетентности. Как показывают последние события, значимость подобного критерия поставлена под вопрос уже на самом высшем уровне, и «правительство России планирует при выполнении федеральных проектов и программ, а также государственных заданий на научные исследования отменить требование по наличию публикации в зарубежных научных изданиях, включенных в системы цитирования Web of Science и/или Scopus. Минобрнауки [поручено] оперативно внедрить собственную систему оценки эффективности научных исследований»⁶.

Несомненным достижением последних лет стало формирование под эгидой РАН корпуса экспертов с целью содержательной оценки научных достижений⁷. Сегодня он насчитывает более 4800 чел., в том числе 390 действительных членов РАН и 579 членов-корреспондентов. И если в 2020 г. эксперты РАН оценили около 3800 отчетов и планов НИР научных организаций

⁶ Правительство планирует отменить требование к ученым о публикациях в зарубежных изданиях при выполнении госзаданий // Коммерсантъ. 2022. 7 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249668> (дата обращения: 16.04.2022).

⁷ Обратим внимание, что соответствующее постановление Правительства РФ № 1781, регламентирующее роль РАН как ведущей экспертной организации страны, произошло спустя более чем пять лет с момента начала реформы, в конце декабря 2018 г.

и вузов, то в текущем году их количество превысит 14800. Сегодня решение о бюджетном финансировании научной темы может быть принято только при наличии положительного заключения Академии наук.

Обновление директорского корпуса

Осветим напоследок еще один значимый сюжет реформы РАН. Как показала практика последних лет, важным ее элементом стало радикальное обновление директорского корпуса институтов Академии. В известном смысле можно оперировать термином «смена кадровой парадигмы», поскольку полномочия планирования и осуществления кадровой политики во многом перешли к резко усилившейся внеакадемической бюрократической надстройке – профильному министерству (прежде ФАНО), которое зачастую не декларирует свои намерения и предпочтения. Эта трансформация оказалась весьма болезненной, особенно если вспомнить историю с отменой возрастного ценза в РАН в 2008 г.

В 2015 г. тогдашний председатель СО РАН А. Асеев на общем собрании Отделения отмечал, что «омоложение директорского корпуса стало одним из немногих плюсов реформы РАН»⁸. С этим согласны и некоторые исследователи: «Реформа РАН, при всех ее изъянах, привела к обновлению и омоложению руководства и штатного состава академических институтов». [Положихина, 2019. С. 131]. В то же время есть прямо противоположные оценки. Так, главный научный сотрудник Института нефти и газа им. Губкина М. Родкин заявил о том, что «формируется худший директорский и административный корпус за всю историю РАН»⁹.

Руководство РАН, со своей стороны, намеревалось просить правительство РФ смягчить требование об обязательной смене директоров академических институтов по достижении ими 65-летнего возраста. Об этом заявил президент РАН Александр Сергеев, выступая в 2019 г. на общем собрании Академии. По его

⁸ Кризис науке не помеха. URL: <https://www.navigato.ru/stati/publication/krizis-nauke-ne-pomeha> (дата обращения: 15.04.2022).

⁹ Родкин М. Формируется худший директорский и административный корпус за всю историю РАН (Демон избавления от научной геронтократии) // Независимая газета. 2019. 9 апреля. URL: https://www.ng.ru/science/2019-04-09/10_7552_demon.html (дата обращения: 11.04.2022).

мнению, «проблема обусловлена, в числе прочего, и нежеланием сильных молодых ученых заниматься администрированием в условиях сильного бюрократического давления», а выходом из ситуации могло бы стать продление полномочий «сильным и уважаемым директорам академических институтов до 70-летнего возраста при отсутствии адекватной замены»¹⁰.

В целом в течение пореформенных лет директорский корпус академических институтов радикально обновился: в 2018 г. сменилось руководство в 19 институтах Сибирского отделения РАН, в 2019 г. – в 17, в 2020 г. – в 22. Не всегда это проходит гладко и без эксцессов, несмотря на наличие четко прописанной процедуры. Бывают сбои, порой новый директор начинает настоящую войну с прежним (как случилось в ФИЦ информационных и вычислительных технологий СО РАН); в Институте математики СО РАН врио директора был назначен вопреки результатам выборов. Тем не менее в большинстве случаев демократические процедуры при смене директора сохраняются, сосуществуя с жестким административным контролем во время процедуры отбора кандидатов и последующего утверждения демократически избранного директора.

История реформирования РАН показывает, что российская научная сфера, в отличие от многих других, крайне консервативна и инерционна, и не поддается быстрым изменениям. Революционные преобразования институционального устройства науки, равно как и революционные научные открытия в принципе отнюдь не всегда успешны и с большим трудом принимаются профессиональным сообществом. В России ситуацию осложнило и то обстоятельство, что основные мероприятия реформы были задуманы еще в середине 2000-х, а их практическая реализация началась существенно позднее, когда сильно ухудшились внешние условия в части как экономической, так и внешнеполитической конъюнктуры. Все это резко сузило возможность маневра и спектр вероятных адаптационных стратегий.

¹⁰ *Сергеев А.* РАН попросит смягчить порядок замены директоров академических НИИ. URL: <https://ria.ru/20190423/1552967169.html> (дата обращения: 11.04.2022).

Сегодня академический сектор в России представляет собой структуру переходного типа. С одной стороны, несмотря на несколько волн реформирования, сохранились важные элементы советской системы организации научной деятельности: осталась финансируемая государством академическая корпорация, в руках которой по-прежнему находятся важные рычаги управления наукой; государству все так же принадлежит ведущая роль в финансировании фундаментальных научных исследований; управление наукой опирается преимущественно на бюрократические принципы и методы. С другой – предпринимаются усилия по коммерциализации научной сферы, внедрению рыночных критериев ее эффективности, усилению взаимодействия фундаментальной науки с реальной экономикой.

Ликвидировав сначала Российский гуманитарный научный фонд, а затем, фактически, и Российский фонд фундаментальных исследований, резко сузив возможности сотрудничества с зарубежными научными центрами и фондами, государство сегодня фактически лишило значительную часть отечественных ученых возможности поиска и использования дополнительного финансирования исследований, усилив тем самым их скепсис в отношении проводимой научной политики. Налицо «отсутствие доверия между научным сообществом, с одной стороны, и органами управления научной деятельностью, с другой, а также неудовлетворительный уровень их коммуникации» [Положихина, 2019. С. 111].

Спектр имеющихся мнений относительно очередных изменений в основном находится в диапазоне от резко до умеренно критических; лишь небольшая часть ученых, главным образом молодежь, безусловно «за» реформу, воспринимая ее как шанс для себя. Вместе с тем научное сообщество продолжает надеяться, что государственная политика будет меняться в сторону, благоприятную для развития научных исследований. В большинстве своем ученые вновь демонстрируют сдержанный оптимизм.

Литература

Аблажей А. М. Академические сообщества научных центров Сибирского отделения РАН: по материалам исследований 2009–2010 гг. // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3. № 1. С. 14–23.

Аблажей А. М. Радикальная реформа Российской академии наук: разработка, реализация, оценка научным сообществом // Идея и идеалы. 2018. № 1. Ч. 2. С. 29–52. DOI: 10.17212/2075–0862–2018–1.2–29–52.

Аблажей А. М., Гордиенко А. А., Дидикин А. Б., Петров В. В. Реформируемая наука. Новосибирск, 2018. 336 с.

Аллахвердян А. Г. Динамика развития российской науки: кадровый и гендерный анализ // Научно-исследовательские исследования. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 16–25. DOI: 10.31249/scis/2018.00.02

Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Плюснин Ю. М. Социальные характеристики научного сообщества новосибирского Академгородка. Новосибирск: Центр социальной адаптации, 1997а. 168 с.

Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Плюснин Ю. М., Путилов А. А., Аблажей А. М. Новосибирский Академгородок в 1996 г.: условия жизни и деятельности ученых // Социологические исследования. 1997б. № 12. С. 68–77.

Гордиенко А. А., Плюснин Ю. М. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России: социально-психологический аспект (мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992–1995 гг.). Новосибирск, 1995. 60 с.

Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России-2021. М.: Буки Веди, 2021. 96 с.

Дежина И. Г. Механизмы государственного финансирования науки в России. М.: ИЭПП, 2006. 130 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennogo-finansirovaniya-nauki-v-rossii/viewer>.

Дежина И. Г. Реформа РАН: причины и последствия для науки в России. Paris, IFRI, 2014. 29 с. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/notes-de-lifri/russieneivisions/reforma-ran-prichiny-i-posledstviya-dlya-nauki-v-rossii>.

Плюснин Ю. М., Аблажей А. М. Государственная научная политика глазами «рядового ученого». Ситуативные стратегии поведения ученых в ответ на волны реформирования российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 38–57. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.2.2.

Положихина М. А. Неоднозначные итоги реформирования российской науки // Экономические и социальные проблемы России. Сб. науч. тр. 2019. № 2 (40). Наука в новых социально-экономических условиях: глобальный и национальный контексты. С. 100–138.

Салтыков Б. Г. Российская наука – тяжелое время реформ // Российская наука: состояние и проблемы развития. Новосибирск, 1996. С. 23–28.

Черныш М. Институт науки как пространство равноуровневых взаимодействий. Рецензия на книгу: Олейник А. Н. (2019) Научные транзакции в науке: сети и иерархии в общественных науках. М.: Инфра-М // Мир России. 2020. № 4. С. 204–216.

Статья поступила 23.03.2022

Статья принята к публикации 30.05.2022

Для цитирования: *Аблажей А. М.* Реформирование академического сектора науки в оценках научного сообщества // ЭКО. 2022. № 8. С. 173–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192

Summary

*Ablazhey, A.M., Cand. Sci. (Philosophy). E-mail: ablazhey63@gmail.com
Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk*

Reforming the Academic Sector of Science as Evaluated by the Academic Community

Abstract. The paper presents a retrospective analysis of several “waves” of Russian science reforms since 1992, with a focus on the events of 2013, and their consequences in the context of successive adaptive strategies of employees of research institutes of the Russian Academy of Sciences (on the example of the Siberian Branch of RAS). The information base of the research was the materials of empirical sociological research, including mass surveys, expert and focused interviews, conducted either by the author himself or with his active participation, in the institutes of the Siberian Branch of RAS and regional scientific institutions, from the mid-1990s to the mid-2010s, official documents of state bodies responsible for development and implementation of scientific policy in Russia, the research literature on the topic of the paper.

Keywords: *academic science; Russian Academy of Sciences; RAS; reform; evaluation; attitude; adaptation; science policy; efficiency; prospects*

References

- Ablazhey, A.M. (2012). Academic Communities of Research Centers of the Siberian Branch of the RAS: based on research materials from 2009–2010. *Sociologija nauki i tehnologij*. Vol. 3. No. 1. Pp. 14–23. (In Russ.).
- Ablazhey, A.M. (2018). Radical reform of the Russian Academy of Sciences: development, implementation, evaluation by the scientific community. *Ideji i idealny*. No. 1. Part 2. Pp. 29–52. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075–0862–2018–1.2–29–52
- Ablazhey, A.M., Gordienko, A.A., Didikin, A.B., Petrov, V.V. (2018). *The Reforming Science*. Novosibirsk, Manuscript. 336 pp. (In Russ.).
- Allahverdyan, A.G. (2018). Dynamics of the Russian science’s development: personnel and gender analysis. *Naukovedcheskie issledovaniya*. Moscow, INION. Pp. 16–25. (In Russ.). DOI: 10.31249/scis/2018.00.02
- Chemysh, M. (2020). *The Institution of Science as a Space of Multi-level Interactions*. Book Review: Oleynik A.N. (2019) *Scientific Transactions in Science: Networks and Hierarchies in Social Sciences*, Moscow: Infra-M. (In Russ.). *Mir Rossii*. No. 4. Pp. 204–216.
- Dezhina, I.G. (2006). Mechanisms of state financing the science in Russia. Moscow. IEPP. (In Russ.). 130 p.
- Dezhina I.G. (2014). *Russia’s Academy of Sciences’ Reform: Causes and Consequences for Russian Science*. (In Russ.). Paris, IFRI.
- Gordienko, A.A., Eremin, S.N., Plyusnin, Yu.M. (1997a). Social characteristics of the Novosibirsk Akademgorodok scientific community. Novosibirsk, CSA. 168 p. (In Russ.).
- Gordienko, A.A., Eremin, S.N., Plyusnin, Yu.M., Putilov, A.A., Ablazhey, A.M. (1997b). Novosibirsk Akademgorodok in 1996: living conditions and activities of scientists. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 12. Pp. 68–77. (In Russ.).

Gordienko, A.A., Plyusnin, Yu.M. (1995). *The scientific community of Akademgorodok in the period of transformation of public life in Russia: socio-psychological aspect (monitoring of the socio-psychological state of scientific teams of the NSC in 1992–1995)*. Novosibirsk. The Institute of Philosophy and Law SB RAS. 60 pp.

Gusev, A.B., Yurevich, M.A. (2021). *Russian scientific politics – 2021*. Moscow, Buki Vedy. 96 p. (In Russ.).

Plyusnin, Yu.M., Ablazhey, A.M. (2019). The state scientific policy through the eyes of an “ordinary scientist”. Situational Strategies of Scientists’ Behavior in Response to the Waves of Reforming Russian Science. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. Vol. 1. No. 2. Pp. 38–57. (In Russ.). DOI: 10.19181/smt.2019.1.2.2.

Polozhikhina, M.A. (2019). Ambiguous overall results in reforming of Russian science. *Economic and Social Problems of Russia*. No. 2. Science at the New Economic-social Conditions: Global and National Contexts. Pp. 100–138. (In Russ.). DOI: 10.31249/espr/2019.02.05. Available at: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii-old/arkhiv/2019-2/>

Saltykov, B.G. (1996). Russian science – hard times of reforms. *Rossiyskaya nauka: sostoyanie i problemy razvitiya*. Novosibirsk. Pp. 23–28. (In Russ.).

For citation: Ablazhey, A.M. (2022). Reforming the Academic Sector of Science as Evaluated by the Academic Community. *ECO*. No. 8. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192